

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 18

Парацельс

П 18 Магический архидокс / Парацельс. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 400 с.– илл.

ISBN 978–5–906880–14–7

Имя Парацельса окутано тысячей тайн и загадок. Человек, на несколько веков опередивший свое время, и фактически основавший медицину как науку в современном понимании этого слова, так и не был принят обществом своего времени.

Его тексты поняли лишь спустя столетия после смерти великого врача. Книга, которую вы держите в руках, представляет собой первое фундаментальное издание на русском языке основных трудов великого философа-мистика, оккультиста, естествоиспытателя и медика Филиппа фон Гогенгейма, известного всей Европе под именем Парацельс.

В настоящий сборник вошли наиболее значимые труды по алхимии и практической магии: «Магический архидокс», «Химическая псалтирь», «Тайны алхимии, открытые в природе планет» и пр.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978–5–906880–14–7 © ООО «ТД Алгоритм», 2016

Алазучекку́
архугокк

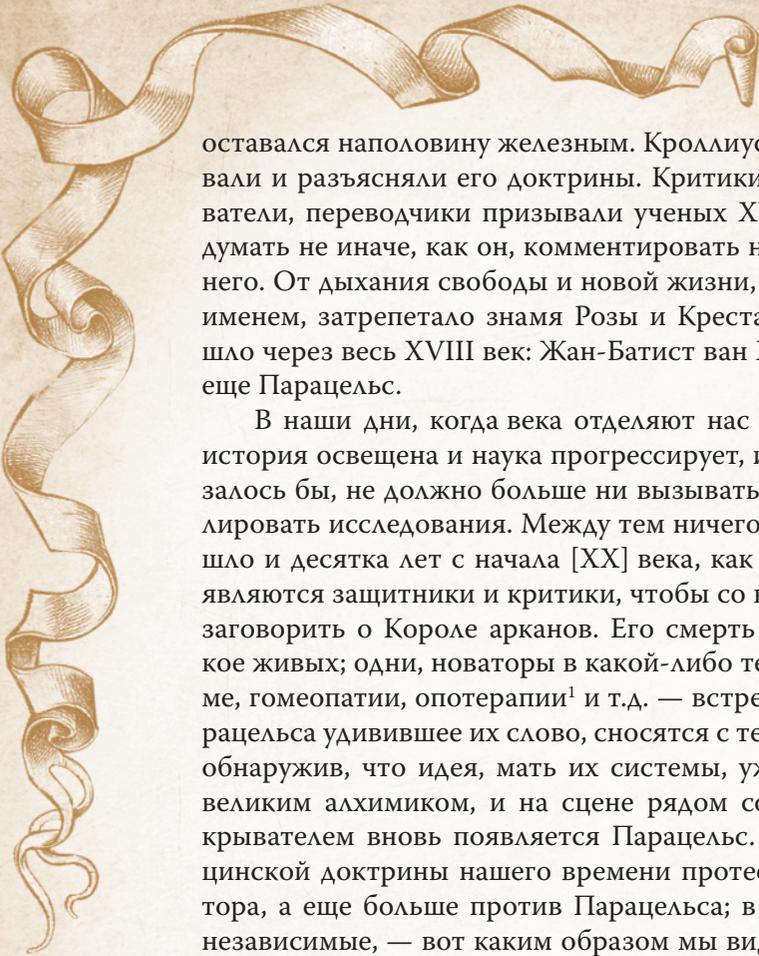
Предисловие к парижскому изганию 1909 года

В начале XVI столетия, в то время, когда вся наука дремала, повторяя изречения Авиценны и Галена, появился человек с сильным голосом, врач и химик, одевающийся вопреки утвердившимся законам, сжигающий медицинские книги греков и арабов, разговаривающий на философские темы вульгарным языком, излечивающий больных вопреки всем правилам искусства и разъезжающий по Европе, выпивая с первым встречным, пикируясь со многими, учась у всех.

Его роль была так велика, что уже в ту эпоху имя его вызвало возмущение. У Парацельса были верные ученики, горячие поклонники, признательные до самозабвения больные. Однако среди медиков у него были столь же свирепые враги, чья жестокость вполне оправдывает те сильные выражения, в которых его так часто обвиняли. Это «чудовище, извергнутое преисподней», этот «неслыханный проходимец», как его величали Эраст, Дессениус и вся остальная братия, лавочки которых терпели убытки, заставляя смеяться больных и стенать аптекарей от Рима до Лондона и от Парижа до Варшавы; ни один человек, за исключением разве что Калиостро, не поднял вокруг себя такого смятения.

Когда же враги Парацельса поверили в то, что наконец надежно похоронили его, — говорят даже, что они в немалой степени содействовали приближению этого события, — стало еще хуже: вдруг объявилась целая плеяда учеников, прославляющих своего учителя, лечащих больных с помощью его приемов, публикующих его арканы. Ренанус, Камерариус засвидетельствовали его удивительные способности; они видели их проявление в Мюнхене, они сохранили в Нюрнберге золото, полученное им из ржавого железного гвоздя, который еще

оставался наполовину железным. Кроллиус, Тюрнейзер толковали и разъясняли его доктрины. Критики, апологеты, толкователи, переводчики призывали ученых XVI и XVII столетий думать не иначе, как он, комментировать никого иного, кроме него. От дыхания свободы и новой жизни, пронесшегося с его именем, затрепетало знамя Розы и Креста. Его влияние прошло через весь XVIII век: Жан-Батист ван Хельмонт — это все еще Парацельс.

В наши дни, когда века отделяют нас от его эпохи, когда история освещена и наука прогрессирует, имя Парацельса, казалось бы, не должно больше ни вызывать интерес, ни стимулировать исследования. Между тем ничего подобного: не прошло и десятка лет с начала [XX] века, как один за другим появляются защитники и критики, чтобы со всем пылом страсти заговорить о Короле арканов. Его смерть не оставляет в покое живых; одни, новаторы в какой-либо терапии — магнетизме, гомеопатии, опотерапии¹ и т.д. — встретив в цитате из Парацельса удивившее их слово, сносятся с текстом, изумляются, обнаружив, что идея, мать их системы, уже сформулирована великим алхимиком, и на сцене рядом со специалистом-открывателем вновь появляется Парацельс. Классики от медицинской доктрины нашего времени протестуют против новатора, а еще больше против Парацельса; в спор вмешиваются независимые, — вот каким образом мы видим Шульца и Маркса в Германии, Бушю и Крювейльера во Франции, без колебаний ставящих Парацельса впереди Монтеня и Рабле, делающих из него провозвестника всей науки, реформатора медицины, в то время как Даремберг и Шеврель этого не увидели, один будучи посредственным подражателем древних, другой невежественным и претенциозным глупцом.

Чем объяснить такое противоречие? Откуда эта вновь и вновь возникающая полемика, этот туман, окутывающий странную фигуру врача из Айнзидельна? Суть в том, что Парацельс, как и многие мистики, чувствовал вещи больше, нежели их осмысливал; он пытался их выразить посредством новых или противоречащих обычному пониманию терминов, мало заботясь о своих слушателях; ему казалось, что та очевидность, с какой он их воспринимал, должна точно так же озарить и тех, кто его слушал. Беме, Вронский разве не поступают так же? Его произведение, не полностью переведенное с верхненемецкого, насыщенного специфическими неологизмами, на сомнительную латынь, осталось, таким образом, навсег-

Парацельс (настоящее имя Филипп Авреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493—1541) — швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения, один из основателей ятрохимии

да загадочным. Несколько частичных французских переводов, таких как Большая и Малая Хирургия, мало известны.

Равным образом и настоящий текст Парацельса еще неизвестен даже эрудитам. Разве сам Даремберг, один из наиболее образованных в этой области людей, посвятивший свою жизнь изучению медицинских доктрин, не признает, что не читал всего Парацельса и что ему с трудом удалось перевести несколько отрывков для себя лично?

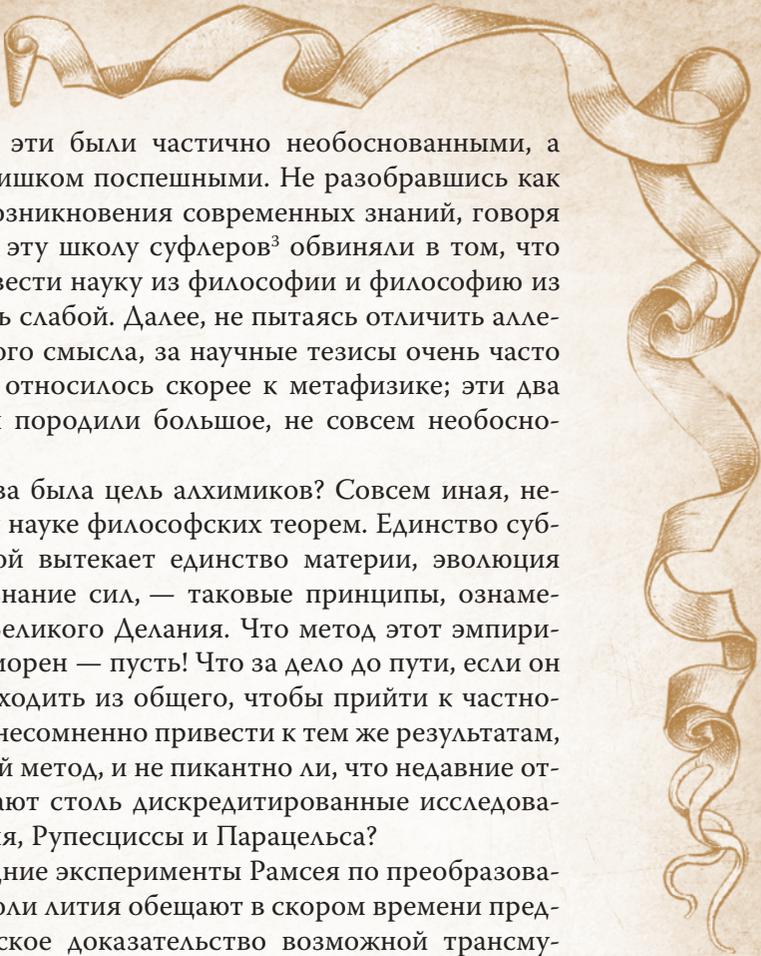
Сегодня, когда знание латыни, увы, исчезает все больше и больше, публикация перевода «Магического Архидокса» представляет всеобщий интерес, и мы надеемся увидеть и другие трактаты Парацельса; каждый читатель, знакомый с герметическими авторами и мистическими философами, беспристрастно изучающий произведения нашего автора, найдет в них великие и плодотворные истины посреди множества намеренно или же неизбежно темных мест². Он оценит произведение Парацельса сначала за те знания, которые оттуда почерпнет, затем он полюбит автора, как это сделали мы, узнав поближе его жизнь, насыщенную деятельностью. Ведь книги Парацельса не что иное, как меньшая и менее живая часть его самого; дела и чувства ярче раскрывают дух, его одушевлявший. Если бы он дожил до наших дней, то в наших современных науках, сильных своими удивительными открытиями и своей непримиримой категоричностью, он был бы революционером совсем другого калибра, собирателем совсем необычной жатвы.

Вот каким надо представлять его, беспредельно восхищаться им, освобождая его в мыслях от устарелых одежд и причудливых нелепостей, с которыми мы привыкли его отождествлять; таким образом, через таинственный Paragranum, обманчивый Labyrinthus или «Магический Архидокс», весь усыпанный талисманами, мы сможем действительно воскресить дух Парацельса.

* * *

Похоже на то, что успехи, достигаемые ежедневно современной наукой, повлекут за собой в высшей степени замечательное и неожиданное следствие: освещение полным светом истин, открытых алхимиками и презираемых еще столетия назад.

Что только не ставили в вину алхимикам! Самую цель, которую они с таким упорством преследовали, их доктрины, эмпирические методы и склонность к априоризму. Говоря по

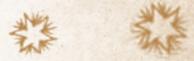
правде, обвинения эти были частично необоснованными, а большей частью слишком поспешными. Не разобравшись как следует в стадии возникновения современных знаний, говоря о теориях в целом, эту школу суфлеров³ обвиняли в том, что она осмелилась вывести науку из философии и философию из науки, пусть и очень слабой. Далее, не пытаясь отличить аллегорию от буквального смысла, за научные тезисы очень часто принимали то, что относилось скорее к метафизике; эти два главных обвинения породили большое, не совсем необоснованное презрение.

И все же, какова была цель алхимиков? Совсем иная, нежели приложение к науке философских теорем. Единство субстанции, из которой вытекает единство материи, эволюция этой материи, осознание сил, — таковые принципы, ознаменовавшие поиски Великого Делания. Что метод этот эмпиричен и слишком априорен — пусть! Что за дело до пути, если он ведет к истине? Исходить из общего, чтобы прийти к частностям, — это может несомненно привести к тем же результатам, что и аналитический метод, и не пикантно ли, что недавние открытия подтверждают столь дискредитированные исследования и теории Луллия, Рупесциссы и Парацельса?

В химии последние эксперименты Рамсея по преобразованию солей меди в соли лития обещают в скором времени представить академическое доказательство возможной трансмутации металлов. И, — неожиданное следствие последних работ, — тень Мартинеса Паскуалиса, возможно, порадует экспериментальному подтверждению своей теории реинтеграции существ в гипотезе о вероятном очень медленном превращении урана в свинец. Это незаметное преображение неодушевленной материи, в день, когда будет бесспорно установлено, продемонстрирует продвижение универсальной жизни к идеалу, всего лишь ступенью к которому является человек.

Если единство материи кажется вполне допустимым, то единство силы вплоть до сегодняшнего дня необходимо физике как источник всей совокупности проявлений великих сил природы. Свет, теплота и электричество распространяются и в самой глубокой пустоте. Эти три вида феноменов являются, однако, результатом волн или вибраций единого источника, неизвестного в своей субстанции, но не в проявлениях.

Эфир, легкий, неосязаемый, так же превосходящий текучестью газ, как последний превосходит жидкость, бесконечно сжимаемый, обладающий способностью проникать через

любое самое плотное и тяжелое тело, обнаружат повсюду; для этих потоков сил он будет одновременно и источником, и средством передачи. Вот что вернет нас, или я сильно ошибаюсь, к единству сил, наряду с обещанным химией единством материи. И еще одна теория обретет, может быть, научное доказательство: это теория о единстве субстанции — источника одновременно и силы, и материи. Сегодняшний день будет днем реабилитации всей долгой цепи поколений, столь несправедливо презираемых: труд, даже ошибочный, имеет право на уважение по причине того упорства, которое человек в него вкладывает.

Теории Парацельса, какими бы странными и шарлатанскими они ни казались, обретают совершенную ясность, если только не цепляться за буквальный смысл слов. Прежде чем провозглашать абсурдную практику истекших веков, нам следует изучить ту эпоху. Для того, чтобы заставить массы принять предлагаемую им теорию, надо сформулировать ее на том языке, на котором эти массы привыкли изъясняться и который их ограничивает и направляет. «Каждый человек, — говорит древняя аксиома, — повинуется тому учителю, которого он сам себе выбрал». Известно, что нет учителя суровее и требовательнее, чем тот, кого сам себе изберешь; старый ученый Г.-Х. Андерсена был рабом, третируемым тем более деспотично, что повиновался он своей собственной тени. Вера эпохи направляла тогдашнее поколение при помощи железной розги Писания. Чтобы поднять это поколение, вырвать его из рук зла, надо было в самой окружающей его среде показать те ростки идеала, которые его спасут. Так врач прописывает лекарство, приятное на вид. Это смесь кажущейся гомеопатии с реальной аллопатией.

В эпоху Возрождения души людей постиг религиозный кризис, последствия которого мы ощущаем до сих пор. Долг врача, в наше время существа почти сверхъестественного, а в то время бога, ибо он был олицетворением всей науки эпохи, сначала состоял в том, чтобы оказать помощь; затем, удивительная вещь, в том, чтобы превратить — все не содержится ли во всем? — мимолетное заблуждение в истину, облаченную в миф. Приходится констатировать, что большинство недоразумений происходят от того, что в буквальном смысле понимаются басни, притчи, аксиомы, данные толпе в иносказательном смысле. Множество афоризмов этого «шарлатана», причуд «этого просветленного», взятые в обобщенном смысле, становятся вспышками гения и открывают перед нами такие глуби-

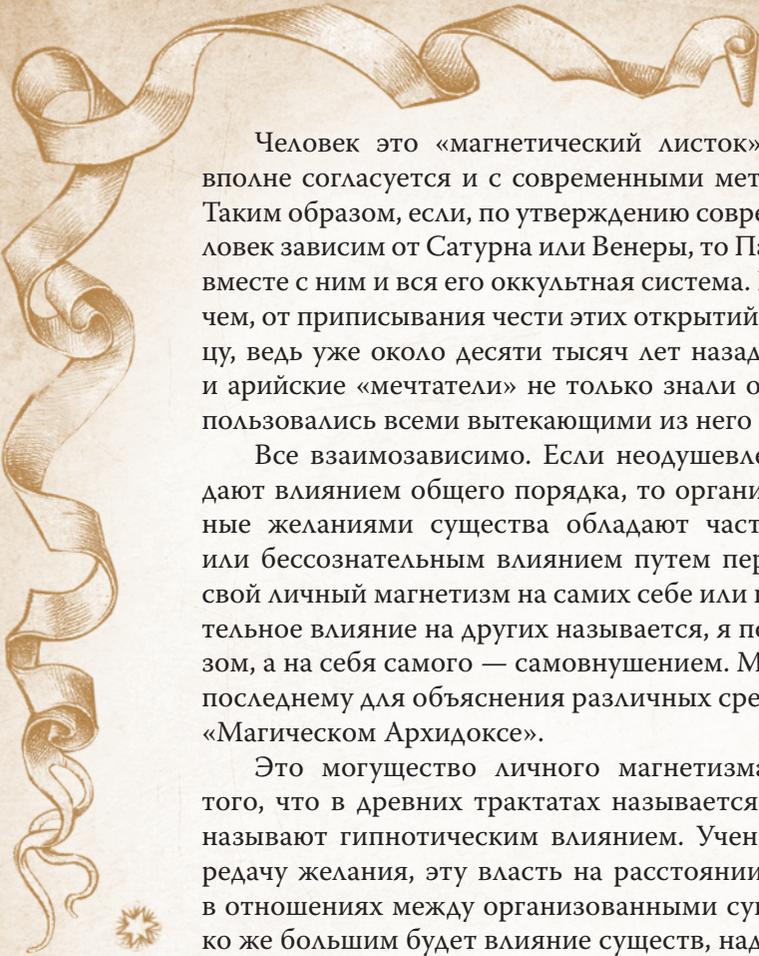

ны, о которых и не подозревает казенная философия. Ибо никто, собственно говоря, не является новатором; новатор только выражает в новых терминах старые идеи, он что-то вроде глашатая дня своего времени и своей среды.

Из-за обширности материала мне трудно на примере главного труда Парацельса изложить целиком его теории; но я могу, основываясь на интерпретации трактатов «Магического Архидокса», дать краткий очерк его метафизических идей. Отправной точкой, как это принято у всех верующих, является Бесконечность, то есть сам Бог. Бог, по Парацельсу, имеет преобладающее влияние на природу. Но, — и это является следствием астральных влияний, — Бог неотделим от жизни и от универсальной материи, Творец един со всей совокупностью своих творений. Жизнь Бога — универсальная жизнь; бесконечная субстанция, источник и материи, и силы — это божественная субстанция; сознание Бога есть совокупность законов универсальной жизни; чистый закон — одновременно и принцип, и результат извечных конфликтов существ между собой. Исповедал ли Парацельс католицизм? Считайте его убеждения самым надежным щитом против костра или *in pace*⁴. Когда я говорю — универсальная жизнь, я употребляю не что иное, как одно из его выражений. Казалось бы неодушевленная, материя наделена, согласно Парацельсу, своей собственной жизнью, эволюционирующим существованием, ибо нельзя же дать то, чем не обладаешь. Разве металлы могли бы лечить, то есть восстанавливать жизнь, если бы не обладали своей собственной жизненностью? В этом утверждении есть как бы предвидение радиоактивности. Во всяком случае, с того момента, когда материя получила жизнь, когда тела, внешне самые инертные, стали обладать магнетическим влиянием, — разве звезды не обладают властью над людьми? Жизнь именно универсальна, каковы бы ни были ее разновидности, и стало быть. Бог, — синоним бесконечной жизни, — пребывает в каждой частичке всеобщей субстанции.

Ибо, по его мнению, звезды обладают огромным влиянием на все существа, организованы они или нет. Во власти этого звездного тока находятся как само человеческое тело, так и средства его лечения. В одном из фундаментальных исследований М.Е.С. из Политехнической Школы доказал существование магнетических связей между звездами и токами, в которых, возможно, проявляется жизнь на поверхности и, я бы добавил, внутри земного шара.

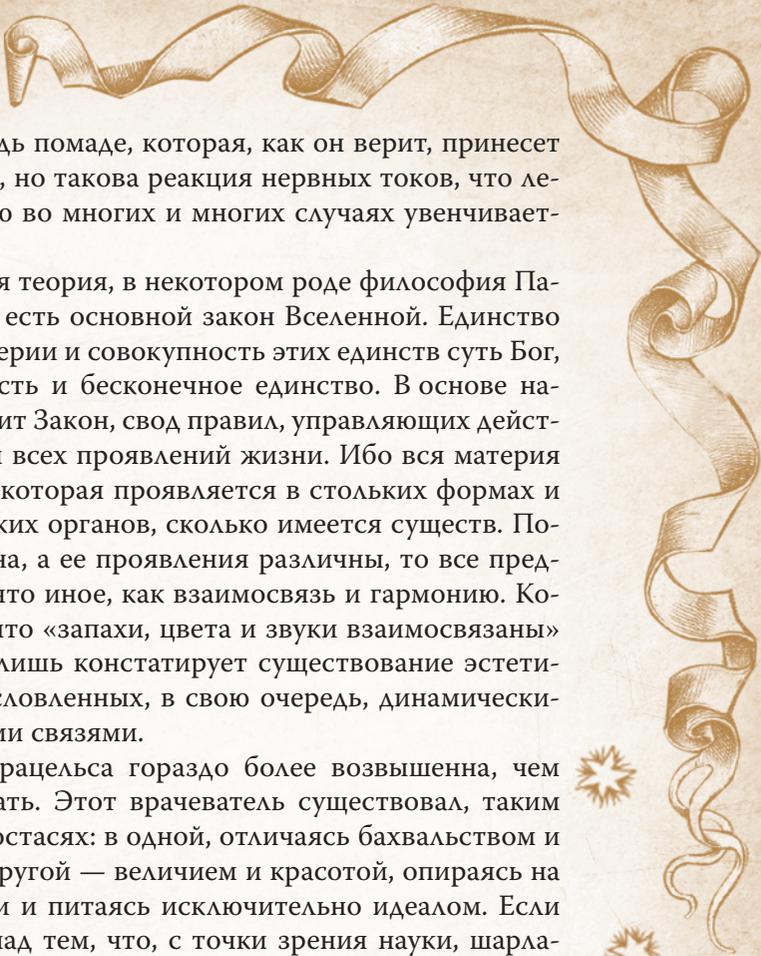

Человек это «магнетический листок». Это утверждение вполне согласуется и с современными методами и взглядами. Таким образом, если, по утверждению современных ученых, человек зависит от Сатурна или Венеры, то Парацельс был прав, а вместе с ним и вся его оккультная система. Воздержимся, впрочем, от приписывания чести этих открытий нашему зальцбургцу, ведь уже около десяти тысяч лет назад семитские пастухи и арийские «мечтатели» не только знали об этом законе, но и пользовались всеми вытекающими из него следствиями.

Все взаимосвязано. Если неодушевленные звезды обладают влиянием общего порядка, то организованные, наделенные желаниями существа обладают частным сознательным или бессознательным влиянием путем передавая и фиксируя свой личный магнетизм на самих себе или на других. Бессознательное влияние на других называется, я полагаю, дурным глазом, а на себя самого — самовнушением. Мы вернемся к этому последнему для объяснения различных средств, приводимых в «Магическом Архидоксе».

Это могущество личного магнетизма составляет часть того, что в древних трактатах называется словом; сейчас его называют гипнотическим влиянием. Ученые изучают эту передачу желания, эту власть на расстоянии, главным образом, в отношениях между организованными существами. Насколько же большим будет влияние существ, наделенных сознательным желанием, на существа бессознательные. Научно засвидетельствованные эксперименты над индусскими факирами предоставляют тому неопровержимые доказательства. Если же такое влияние организованного существа усиливается знанием звездных токов, то власть такого существа возрастает бесконечно. И если ее обладатель направит ее на излечение больных, оно будет делом нескольких дней.

Парацельс, несомненно, обладал очень сильным магнетическим влиянием; более того, он похвалялся, что до самых глубин проник в универсальные астрологические законы. Самым показательным во всем этом было то, что его больные имели абсолютное доверие к нему, своему исцелителю. Многочисленные случаи исцеления при помощи лишайника, мумии⁵ или медвежьего жира обязаны, возможно, самовнушению самих больных. Знал ли Парацельс об этой силе самовнушения? Вполне возможно, и я нахожу тому доказательство в излечении ран при помощи оружия, смоченного кровью больного. Вот так же происходит фиксация желания со стороны паци-

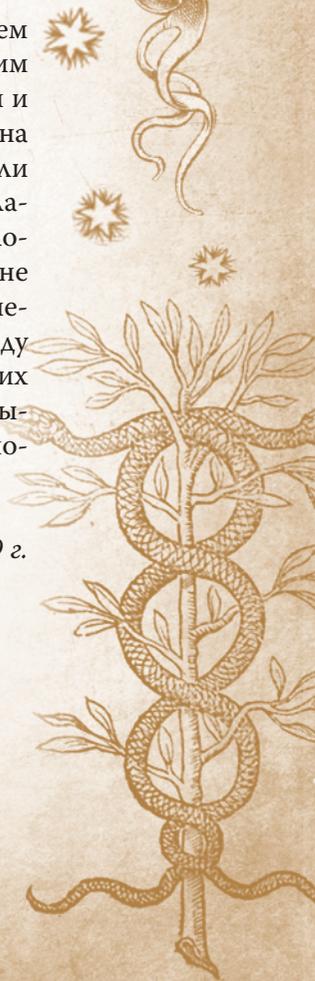

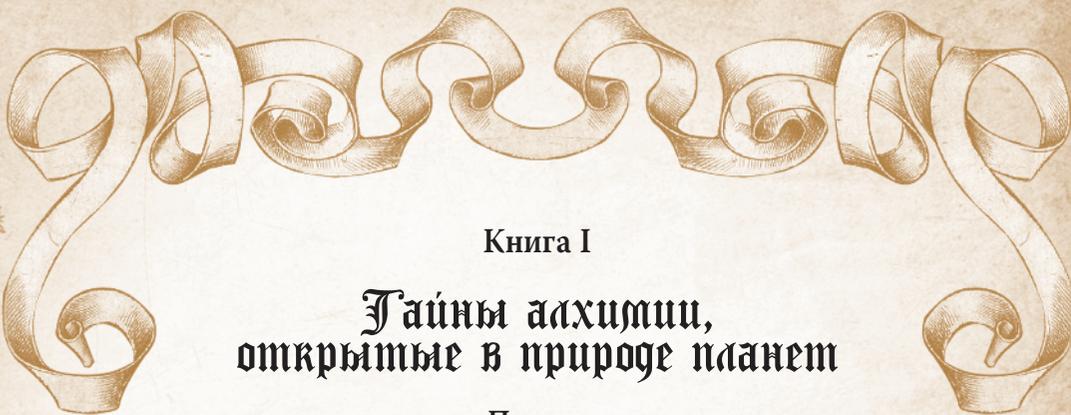
ента на какой-нибудь помаде, которая, как он верит, принесет ему выздоровление, но такова реакция нервных токов, что лечение с ее помощью во многих и многих случаях увенчивается успехом.

Итак, вот общая теория, в некотором роде философия Парацельса: единство есть основной закон Вселенной. Единство силы, единство материи и совокупность этих единств суть Бог, единая бесконечность и бесконечное единство. В основе нашей Вселенной лежит Закон, свод правил, управляющих действиями и реакциями всех проявлений жизни. Ибо вся материя насыщена жизнью, которая проявляется в стольких формах и посредством стольких органов, сколько имеется существ. Поскольку жизнь едина, а ее проявления различны, то все представляет собой не что иное, как взаимосвязь и гармонию. Когда поэт заявляет, что «запахи, цвета и звуки взаимосвязаны» (Бодлер), он всего лишь констатирует существование эстетических связей, обусловленных, в свою очередь, динамическими первоначальными связями.

Философия Парацельса гораздо более возвышенна, чем было принято думать. Этот врачеватель существовал, таким образом, в двух ипостасях: в одной, отличаясь бахвальством и шарлатанством, в другой — величием и красотой, опираясь на прочные концепции и питаясь исключительно идеалом. Если же поразмыслить над тем, что, с точки зрения науки, шарлатан в нем всегда идет об руку с мыслителем, можно предположить, что вся кажущаяся невероятность его приемов есть не что иное, как дань чистой идее, и что этот столь хулимый человек, поставленный перед необходимостью выбирать между признанием и сеянием добра, избрал в целях торжества своих клей участь мученика, но самым тягостным и горшим лия высокого духа способом — выставлением себя на всеобщее посмешище.

Д-р Марк Холен 15 сентября 1909 г.

Книга I

Тайны алхимии, открытые в природе планет

Пролог

Прежде всего, возвав к Имени Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего, мы предпримем попытку выполнить эту работу, где станем учить, не только как обратить любой худший металл в лучший, железо — в медь, медь — в серебро, а серебро — в золото и т.д., но также излечивать все немощи, лечение коих предвзятым и самонадеянным врачам кажется невозможным, и даже более того, помогать смертным сохранять здоровье до глубокой и совершенной старости. Это Искусство было начертано нашим Господом Богом Творцом Всевышним, от начала творения, словно в книге, в телах металлов. И по ним мы должны усердно учиться этому Искусству. Следовательно, когда любой человек желает прилежно и совершенно освоить это Искусство от его истинной основы, будет необходимо, чтобы он учился ему от Мастера, то есть от Бога, который сотворил все вещи и единственный знает, какую природу и свойство он вложил в каждое создание. Посему Он может научить каждого бесспорно и в совершенстве, и от Него мы можем научиться, ибо Он сказал: «От Меня вы узнаете все вещи». Ведь нельзя найти ни на Небе, ни на Земле таких тайн, чьи свойства Он, сотворивший все, не постигает, не знает и не видит наиболее точно. Мы, следовательно, примем Его как нашего Наставника, Руководителя и Ведущего в этом самом истинном Искусстве. Поэтому Ему одному будем мы подражать, и через Него будем учиться и обретем знание того, что Он сам перстом своим выгравировал в телах металлов. И так получится, что Всевышний Господь Бог благословит все творения для нас и освятит все наши пути, дабы в труде том мы могли привести Начало наше к желаемому Завершению, и в результате произвести чрезвычайную Радость и Любовь в сердцах наших.

Но если кто-либо последует единственно своему разумению, он введет в великий грех не только себя, но и всех осталь-

«Алхимик».

Художник Корнелис Питерс Бега.

«Мысли человека воздействуют на мир,
а мир воздействует на человека».

(Парацельс)

ных, принявших это мнение, и приведет их к ущербу. Ибо, конечно же, человек рожден в невежестве, так что он не может ничего знать или понять сам, помимо того что получает от Бога и постигает от Природы. Тот, кто ничего не узнает от них, подобен языческим учителям и философам, следующим тонкостям и искусствам личных изобретений и мнений, таких как Аристотель, Гиппократ, Авиценна, Гален и пр., основывавших свои искусства лишь на собственных мнениях. И если когда-либо они чему-то и научились у Природы, то погубили это своими фантазиями, грезами или выдумками, прежде чем постигли что-либо окончательно; так что ни у них, ни у их последователей невозможно найти ничего совершенного.

Все это заставило и побудило нас написать особую книгу по алхимии, основанную не на человеческом, но на самой Природе и на тех достоинствах и силах, которые Бог своим перстом запечатлел в металлах. Меркурия Трисмегиста, подражавшего этому запечатлению, не без заслуги называют отцом всех мудрецов и всех, кто следует Искусству этому с любовью и искренним желанием. И человек этот показывает и учит, что только Бог — единственный автор, причина и источник всех творений в этом Искусстве. Но он не приписывает творениям или видимым вещам силу и добродетель Бога, подобно помянутым язычникам. Теперь же, видя, что всему Искусству необходимо учиться у Троицы, то есть у Бога Отца, Бога Сына, Спасителя нашего, Иисуса Христа, и у Бога Духа Святого, трех различных ипостасей единого Бога. Посему мы разделим наш труд об алхимии на три части, или трактата: в первой части мы установим то, что содержит в себе Искусство и что является свойством и природой каждого металла. Во второй — каким образом человек может воздействовать и выявлять подобные силы и крепость металлов. В третьей — какие тинктуры приготавливаются из Солнца и Луны.

Часть первая

Глава 1. О простом огне

Во-первых, мы попытаемся установить, что содержит в себе это Искусство, каков его предмет и каковы его свойства.

Главный и основной предмет, принадлежащий этому Искусству, есть огонь, который всегда живет в одном и том же качестве и действии и не может получить жизнь от чего-либо